

Прохорова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ieprokhorova@mail.ru

П. А. Вяземский о социокультурной роли журналистики: высокая миссия и «необходимое зло»

Аннотация

Статья посвящена проблемам развития в России XIX в. либерально-просветительских представлений о журналистике, которые рассматриваются в основном на материале размышлений П.А. Вяземского о предмете и функциях периодической печати в 1820 - 1840-х гг. Исследователь показывает серьезное внимание Вяземского к вопросам общей теории и современной ему практики журналистики, понимание им неоднозначности ее социокультурной роли, стремление ориентировать аудиторию на критическое восприятие прессы.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, либерально-просветительские представления о журналистике, социокультурная роль периодики

Irina E. Prokhorova

PhD in philology, Associate Professor at the chair of Russian journalism and literature history, Faculty of Journalism, Moscow State University, ieprokhorova@mail.ru

P. A. Vyazemsky about the social and cultural role of journalism: noble mission and the "necessary evil"

Abstracts

The article is devoted to the problems of the development of Liberal and Enlightenment ideas about journalism in 19th century Russia, which are considered mainly on the material of Vyazemsky's reflections about the subject and functions of the periodical press in the 1820 - 1840-ies. Researcher reveals Vyazemsky's serious attention to the issues of general journalistic theory as well as to the practice of contemporary journalism, his understanding of the ambiguity of socio-cultural role of periodicals and his desire to target audience on the critical perception of the press.

Key words: P. A. Vyazemsky, *Liberal and Enlightenment ideas about journalism, socio-cultural role of periodicals*

И. Е. Прохорова

**П. А. Вяземский о социокультурной роли журналистики:
высокая миссия
и «необходимое зло»**

«Я журналист; мне все журнальное не чуждо»¹ – это заявление П. А. Вяземского в 1827 году в статье для популярного тогда журнала «Московский телеграф», несмотря на признание автора в пародировании латинского классика (имелся в виду афоризм Теренция «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо») и очевидность литературно-игровой формы высказывания, нельзя игнорировать, говоря об особом отношении его автора к журналистской профессии. Действительно, Вяземский не просто дилетантски интересовался периодической печатью и участвовал в ней как «любитель», но, судя по опубликованным и до сих пор неизданным его сочинениям, стремился к отрефлексированному участию в «срочной словесности».

На протяжении всей своей долгой творческой жизни, но особенно в 1810 – 1830-х годах Вяземский много и содержательно писал о журналистике и ее деятелях, довольно активно публикуя написанное в прессе. Его статьи, иногда так и озаглавленные – «Журналистика», выходили главным образом в отделах литературной критики, что закономерно для эпохи, когда журналистика воспринималась как неотъемлемая часть литературы (само понятие «литература» толковалось очень широко). Но, с точки зрения современного исследователя, подобные выступления Вяземского явно

относятся не просто к литературной критике, а к особой сфере творчества, в которой пересекаются интересы и методы деятельности и литературных критиков, и журналистов «широкого профиля» и назначение которой способствовать самосознанию и самоконтролю журналистики. Передавая гласности свои суждения о журналистике, её предмете и функциях, достижениях и провалах, их причинах и последствиях, причем стремясь познакомить с ними возможно более широкую читательскую аудиторию, Вяземский участвовал в подготовке общества к критическому восприятию журналистики и, в перспективе, к сознательному взаимодействию с ней. Сегодня эти сферы деятельности принято называть соответственно «медиакритикой» и «медиаобразованием», так что представляется правомерным говорить о причастности Вяземского к их становлению – к своего рода «прамедиакритике» и «прамедиаобразованию» – и вести исследование в этом направлении.

Рефлектируя на темы настоящего и прошлого (прежде всего «блестящего века» Екатерины II) журналистики в России и за рубежом (в первую очередь, конечно, во Франции), Вяземский опирался на глубоко им усвоенные идейные традиции французского Просвещения XVIII века, выдвинувшего, как известно, лозунг «мнения правят миром». С самых первых заметок и статей (напомним, Вяземский дебютировал в печати в 1808 году в «Вестнике Европы» В. А. Жуковского) им ставился вопрос о высоком социокультурном назначении и о соответствующих возможностях журналистики. В то же время Вяземский всё четче осознавал, что бок о бок с позитивным, созидательным, социально-стабилизирующим и культууроформирующим (если использовать терминологию современной теории журналистики²) воздействием периодики на аудиторию усиливаются и прямо противоположные, разрушительные тенденции, что развитие журналистики для человечества одновременно и благо, и зло³.

Конечно, и в первой трети XIX века Вяземский был не одинок в таких размышлениях. Нельзя не заметить множества переключек между его оценками миссии журналистики и опасностей, которые она несет обществу, и высказывани-

ями на эти темы, например, таких великих писателей, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, и влиятельных критиков, как В. Г. Белинский. Причем нередко Вяземский опережал сотоварищей по литературному цеху в суждениях о тех или иных явлениях и тенденциях в журналистике, как позитивных, так и опасных.

Однако он не был склонен реагировать на негативные тенденции в «срочной словесности» путем максимального дистанцирования от нее. В отличие, например, от Гоголя, который со второй половины 1830-х годов придерживался преимущественно такой авторской стратегии. Объясняется это, видимо, не только особенностями мировоззрения Вяземского в целом, его просветительской, рационалистической и отчасти прагматической, «закваской», но и осознанием им своей глубинной профессиональной связи с журналистикой, что выразилось и в цитированном выше полушутливом признании «я журналист».

Тем интереснее анализ представлений Вяземского о неоднозначной социокультурной роли журналистики как важнейшей части его концепции «качественной коммуникации» (если вновь воспользоваться современной терминологией), которая, со временем эволюционируя, в основе своей, однако, оставалась неизменной. В данной статье мы подробнее остановимся на суждениях Вяземского относительно возрастания и усложнения роли периодической печати в мире и формирования «новой» журналистики как социального института и особого рода творческой деятельности, прежде всего обращаясь к его высказываниям 1820 – 1830-х годов.

Уже тогда Вяземский ясно осознает историческую предопределенность обозначенных процессов. В этом отношении очень показательна развернутая рецензия «Новая поэма Э. Кине», опубликованная во втором томе пушкинского «Современника» (1836), в подготовке которого Вяземский в отсутствие издателя принимал участие. В статье подчеркивалось, что «век» нынешний «допытлив, исследователен». Отражение новых тенденций в умонастроениях эпохи автор «Современника» видит в таких сочинениях, как «Опыт о нравах народов» Вольтера, «Записки» герцога Сен-Симона, «Изыскания о свойствах и причинах богатства народов»

Адама Смита, политические эпиграммы Талейрана» – характерна сама подборка произведений, которые объединяют острая актуальность поставленных философских, исторических, экономических и политических проблем и определенная публицистичность стиля. По Вяземскому, после знакомства общества с названными сочинениями никакая эпопея, никакое «эпическое суеверие» не может «устоять в Европе». Наступает время «стоглазой, сторучной журналистики, которая лежит на пороге храма славы, “чудовище облоозорно, огромно, стозевно и лайй!..”»⁴.

Любопытно, что, говоря о ситуации смены «веков», Вяземский прямо упоминает только Европу (что вполне оправданно, ведь и рецензируемая поэма Кине вышла именно там), но сразу вслед за этим при характеристике набирающей силу журналистики приводит известную строку В. К. Третьяковского (использованную также А. Н. Радищевым для эпиграфа к его «Путешествию из Петербурга в Москву»), правда, в несколько измененном варианте. Вообще, если учесть, что русские «либералисты», к которым в рассматриваемый период безусловно принадлежал Вяземский, хотели видеть свое Отечество частью Европы, нельзя не признать, что данные им характеристики нового «века практического просвещения» (по крайней мере, как вектора общего движения истории) относились и к ситуации в России.

Почти в те же годы проницательный наблюдатель констатировал: «Мы живем в век брошюр и листов публичных». Вяземский довольно точно подметил, что время начинало как будто сжиматься: «В старое время на просторе писали на пергаменте и о мелочах; в наше – едва успевают на летучих листках писать о происшествиях важнейших»⁵. Запросам «века нынешнего» способна отвечать журналистика, обладающая рядом специфических черт. О них Вяземский писал в разных фрагментах своих сочинений и явно не стремился выстроить четкую систему дефиниций. Тем не менее в его высказываниях можно выявить довольно точное указание на два основных природных качества журналистики, позволяющих ей отвечать потребностям «нового» времени, – оперативность и событийно-новостную насыщенность текстов (как сказали бы сегодня – фактуальность).

Причем Вяземский обращает внимание и на проблему связи фактуальности и объективности в журналистской презентации действительности. Стремление журналиста к объективному повествованию за счет максимального насыщения его фактическим материалом, доведенное, по меткому слову Вяземского, до «фанатической любви к истине», закономерно приводит к противоположным результатам. Ведь точность и полнота отражения действительности отнюдь не гарантируется одним отказом рассматривать мир через «увеличительное и разноцветное стекло преданий». Конечно, смена оптик покончит с «эпическим суеверием», лишит события и лица легендарности и поэтической условности, но использование лишь «микроскопов», которые «на белой, пухлой руке красавицы найдут тысячи рытвин и бородавок и в розе мириады отвратительных чудовищ»⁶, не позволят журналисту представить аудитории адекватную, действительно объективную картину мира.

Рассматривая причины и следствия ускоренного развития периодики в XIX веке, Вяземский не мог не обратить внимание на факторы, особенно благоприятные для газетного дела. Он справедливо связал рост популярности газет с запросами аудитории, довольно быстро росшей в количественном, но не в качественном плане. Закономерным результатом этого становилась «массовизация» журналистики с типичными для нее негативными тенденциями. Такая аудитория (чаще всего представители малообразованных кругов, хотя не только) предпочитала книге и даже журналу, требовавшим серьезного (для многих – библиотечного) чтения, – газету, приспособленную для быстрого, без особых усилий знакомства с «новостями». Как остроумно писал Вяземский в статье «Поживки французских журналов в 1827 году», газетная «пища-скороспелка» («ежедневник» автор сравнивал с обязательным утренним «яйцом всмят-ку») теперь служила для многих «достаточным дневным продовольствием»⁷. Ведущий автор журнала «Московский телеграф», зафиксировав подобное явление уже в 1827 г., хотя пока только на европейском материале, иронизировал над добровольной «диетой» читателей, причем независимо от их звания и возраста. Стоит заметить, что русский журна-

лист критиковал именно газетную «диету» – самоограничение читателей только одним типом периодического издания, а не сам этот тип как таковой.

Не вызвала сочувствия Вяземского и другая тенденция в сфере читательских и, соответственно, издательских предпочтений – особое положение разросшегося энциклопедического журнала. Она получила развитие начиная с 1840-х годов главным образом в России. Русские «толстые» («толстеющие», по выражению Вяземского в 1847 году) журналы критик в полемическом запале образно назвал «чемоданами, набитыми <...> каким-то снежным песком», как улицы зимнего Петербурга, по которым невозможно ездить на тонущих в этой массе лошадях⁸. Такого типа журналы уподоблялись книжным изданиям по своему объему, что достигалось, с точки зрения критика, в основном благодаря балласту – многословным и поверхностным материалам. А попытки всё «толстеющих» отечественных журналов подменить «всю» литературу, по Вяземскому, в принципе непродуктивны: нет смысла журнал превращать в сборник.

Неприятие критиком «толстых» журналов можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, это связано с тем, что развитие «толстого» журнала в России шло в 1830 – 1840-х годах и наибольшего успеха здесь добились как раз те силы в литературе и журналистике, которые были Вяземскому совершенно чужды – сначала представитель «торгового направления» О. И. Сенковский с «Библиотекой для чтения», потом ориентированный на демократические (иногда даже радикально-демократические) ценности «лагерь» В. Г. Белинско-го, «Отечественных записок» и «Современника». Последнее стало окончательно ясно к середине 1840-х годов, когда сам Вяземский очень заметно эволюционировал в сторону либерально-консервативных ценностей и когда собственно были написаны процитированные выше строки.

С другой стороны, в этих строках, особенно о непродуктивности всеядного «толстого» журнала, пытающегося подменить «всю» литературу, была своя правда и, что не менее важно для нашего анализа, – отзвук неизменных для Вяземского-журналиста представлений о необходимых для современной периодики качествах и опасностях отказа от

них. Один из создателей «Московского телеграфа» – по сути первого русского энциклопедического журнала, прекрасно осознававший, что журналистика «века нынешнего» способна и должна вбирать в себя научные и политические сочинения, мемуары и художественную прозу, он всегда помнил и о незаменимости книгоиздания. Соответственно периодике необходимо было сохранять свое естественное отличие от книги – отличие «ходячей», «ручной монеты», которая «в обращении» имеет большую «удобность и скорость»⁹, что едва ли могло быть свойственно «толстому» журналу. При этом, как отмечалось выше, Вяземский отдавал себе отчет, что требуемые им качества прессы определяют не только ее сильные, но и слабые стороны (в частности, упоминавшуюся ограниченность «пищи-скороспелки»). В идеале «качественная» (используя современное понятие) книжная литература и «качественная» журналистика – две равно необходимые и взаимодополняющие сферы духовной жизни общества.

Областью, которая в первую очередь «подлежит ведомству журнальному», предметом исследования для периодического издания Вяземский считал «все, что в глазах публики кипит жизнью минуты», все «заманчивое» разнообразие «животрепещущих злобой дня» предметов. В первой трети XIX в. он неоднократно высказывал сожаление, что отечественная периодика плохо ориентируется в быстро меняющейся обстановке. В программной статье Вяземского, тогда влиятельнейшего сотрудника «Московского телеграфа», которая, правда, по иронии судьбы была опубликована с годовым опозданием, подчеркивалось, что русские журналисты еще недостаточно следуют «le Dieu l'a proros» («богу к стати»), что «у них присутствующие и настоящее всегда в неявке»¹⁰. Забывая своего профессионального покровителя, они пренебрегают актуальностью и кормят публику «сухарями», а не «хлебом насущным».

Неготовность или нежелание писать «о животрепещущем, имеющем интерес момента» («objets palpitants de l'interet du moment», по приведенному Вяземским выражению Ривароля), он справедливо полагал нарушением основного «правила, которому должен следовать журна-

лист»¹¹. Именно за это им постоянно критиковались редакторы ведущих тогда русских журналов – М. Т. Каченовский, Н. И. Греч, А. Ф. Воейков, М. Г. Павлов и др. От периодики Вяземский требовал «новизны», «живости», «движения», «теплоты», даже «жара», которые восхищали его в лучших европейских изданиях того времени¹².

Для понимания Вяземским природы журналистского творчества и вообще журналистики как особой «отрасли литературной промышленности» характерны его психологические наблюдения в письме А. И. Тургеневу 1833 г. Знаменательно уже само сравнение журналистики и истории. Он заметил тогда: «В годах молодости и мы должны иметь жар, запальчивость, резкость, односторонность, исключительность газеты; в годах опыта – хладнокровие, самопознание, суд, но и бесстрастность истории. В том и в другом случае есть истина, но она различно выражается»¹³. Автор сопоставляет горячее юношеское мировосприятие с мышлением журналиста и противопоставляет их терпимости и отстраненной трезвости суждений зрелого человека, которому уподобляется историк. Причем важно указание критика, что противопоставляются они в типологическом, а не аксиологическом плане.

Журналист и историк, по Вяземскому, в идеале заняты общим делом – исследованием и описанием действительности, объединяет их и стремление к истине. Однако есть между ними и существенные различия. Во-первых, предмет журналиста, особенно газетчика, – современность в ее изменчивости и живой импульсивности, многообразии и пестроте (даже о прошлом он пишет прежде всего ради современности). Предмет же историка – прошлое, причем «совершившееся»¹⁴ для него самоценно. Если в поле зрения историка и попадает настоящее, то в его наиболее существенных, «системообразующих» проявлениях, выделение которых все равно требует некоторой временной дистанции и, главное, «академической» глубины исследования. Во-вторых, журналистский анализ – анализ современника событий, так или иначе в них «включенного» и соответственно эмоционального, допускающего и «односторонность», обращающегося к «подвижному» общественному мнению. Тогда как историк призван иметь дело с фундаментальны-

ми мировоззренческими основами сознания своей аудитории. Если для истории необходима «бесстрастность», то для журналистики она, как и холодная умозрительность, губительна.

В этой связи интересны скептические высказывания Вяземского о перспективах создания «современной истории». В «Московском телеграфе» в 1827 г. он писал: «Есть время для летописей, которые ныне называются газетами: будет время для истории. Современники могут быть только рукописными летописцами или печатными газетчиками». Здесь довольно верно отмечено различие возможностей и соответственно социокультурной роли журналиста (газетного «летописца» современности) и историка.

Однако стоит иметь в виду, что данное негативное суждение Вяземского о перспективах «современной истории» появилось в связи с критической оценкой им конкретного журналистского выступления – политического обзора В. В. Измайлова, в верноподданническом духе подведшего «итоги» первой четверти XIX в. в своем альманахе «Литературный музей». И категоричность декларации Вяземского о невозможности написать журнальное «обозрение современных событий», которое не стало бы «просто цветистой амплификацией современных газет», во многом предопределена оценкой им реального положения русской периодики в постдекабристские годы. В условиях, когда печать была лишена свободы всесторонне и объективно анализировать современную политическую жизнь, либерально настроенный критик «Московского телеграфа» предпочел установку на отказ от прямых политических оценок в журналистике. Но это еще вовсе не означало отказ от политической аналитической публицистики в принципе¹⁵.

Более того, Вяземский неоднократно высказывался в пользу политического журнала или, по крайней мере, отдела в журнале. В своей статье «по поводу предполагаемого Арзамасского журнала» он изложил умеренную, но весьма перспективную программу отдела Политики, очевидно, стремясь развить опыт «Вестника Европы» Н. М. Карамзина. Ставилась задача пропагандировать «полезнейшие меры, принятые чуждыми правительствами, для достиже-

ния великой цели: силы и благоденствия народов», и наконец «сделать в Китайской стене, отделяющей нас от Европы», отверстие для «луча солнца» просвещения¹⁶.

Показательно в этом плане и замечание Вяземского в письме к А. С. Пушкину от апреля 1820 г.: «Пока у нас не будет журнал с нравственной и политической целию, писать весело нельзя»¹⁷. Без такого издания можно лишь «играть в слова». Причем экспрессивное определение «писать весело» в устах продолжавшего ощущать себя арзамасцем Вяземского явно означало стремление соединить свободу, остроумие и глубину суждений в «журнале с нравственной и политической целию», а не ограничиваться сферой сухой событийной газетной информации («амплификацией современных газет»). К такой установке подталкивал и пример современной Европы, где, по Вяземскому, «политика все завоевала»: «во Франции не печатается двух страниц о чем бы ни было без признания хартии, упрека министерству и т.д.»¹⁸.

В целом современная литература и в первую очередь журналистика для Вяземского невозможна без заинтересованного, одновременно эмоционального и серьезного, исследования настоящего во всем его многообразии. Недаром он провозгласил принцип – «ввести жизнь в литературу и литературу в жизнь».

При этом эффективно реализовать этот принцип возможно только при наличии четкой идейной позиции. Вяземский настаивал на том, что журналистам нельзя быть просто «компиляторами текущих безделок»¹⁹, а журналам – «сборниками и коробками с иноземным товаром и кое-какими крохами домашнего изделия»²⁰ или «школьными архивами ученических опытов»²¹. Журналу, как отмечено в письме Тургеневу в январе 1821 года, «должно иметь свою физиономию, свой взгляд, свой дух»²², – то есть свою позицию. Эти принципиальные положения журналист пытался донести до широкой аудитории. В упоминавшемся уже не пропущенном цензурой отрывке статьи о Дмитриеве он писал, что «журнал, чтобы истинно быть журналом, должен иметь свой решительный цвет, голос, свое исповедание, свое постоянное направление и не быть, по выражению поэта, *без образа лица* (курсив Вяземского. – *И.П.*)»²³.

Вяземский весьма жестко требовал от издателей определенности в выборе и последовательности в проведении своей позиции. «Журнал должен иметь свою шерсть *одноцветную*, а не *шахматно-пегую* (курсив Вяземского. – *И.П.*), по выражению Боброва; или по крайней мере содержать оговорки издателей, когда в присланных статьях, в прочем хороших, находятся нападки на здравую сторону»²⁴. Идея редакционных примечаний – «оговорок», заметим, оказалась весьма продуктивной в дальнейшей истории отечественной журналистики.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Вяземский в первой трети XIX века сумел достаточно четко осознать высокую социокультурную роль периодики. При этом он смог точно и ярко сформулировать свое видение этой проблемы, хотя соответствующие его высказывания и остались «разбросанными» во множестве его как прижизненных, так и посмертных публикаций, а также архивных материалов. Для Вяземского назначение периодики – прежде всего быть «зеркалом», которое широко «отражает» современную жизнь и, конечно, «движения европейской (в значении передовой²⁵ – *И.П.*) умственной деятельности»²⁶, т.е. предлагать читателям максимально полную и объективную информацию о происходящем. Во-вторых, периодика призвана служить «народным надзирателем», привлекающим, приковывающим внимание общества к важнейшим явлениям в ходе «истории гражданской, философической и литературной»²⁷.

Так, в ситуации открытия польского Сейма и конституционных обещаний Александра I в 1818 г. Вяземский считал первейшей обязанностью журналистов – «навести» общее мнение «на правильное созерцание государя в Варшаве, среди представителей народных, беседующего с ними о благах общественных и требующего от них не безмолвного, не рабского повиновения, но советов и послушности обдуманной и собственной их пользой предписанной»²⁸. Ведь «хороший журнал» должен быть посредником между властью и обществом: с одной стороны, от имени общества подталкивать правительство к прогрессивным преобразованиям, а с другой – обеспечивать благоприятное реформаторскому процессу общественное мнение.

Заметим, что высказывания Вяземского о функциях печати явно перекликаются со сформулированным им «кодексом» поведения «образцового поэта». Это еще раз подтверждает, что журналистика для него особая, но все же «отрасль литературной промышленности». Так, аттестация «образцовый поэт» дается именно «писателю-гражданину», который «всегда бывает благотворителем сограждан, вожатым мнения общественного и союзником бескорыстным мудрого правительства»²⁹.

Вяземский одним из первых четко обозначил двуединство задач журналистики, проявляющееся как в выражении, так и в формировании сознания аудитории. Он неоднократно писал о необходимости «оглашения» общественного мнения, которое склонен был почитать «непогрешительным ареопагом»³⁰. На вопросе о «предназначении журналов политических, литературных, нравственных и относящихся до какой бы то ни было отрасли наук и художеств» критик специально остановился в статье «Журналистика» (1827). Журналы провозглашены «отголоском мнений и понятий людей, имеющих мнения и понятия, свидетельствами настоящего и указателями в будущем к цели усовершенствования, к коей стремится ум человеческий на всех поприщах, открытых перед ним»³¹.

Знаменательно, что и в других высказываниях Вяземского (в том числе о литературе в целом!) артикулировалась задача «выражения характера и мнений народа»³², «выражения общества». Причем оно понималось как выражение позиции прежде всего просвещенной части общества, а не «некоторых темных закоулков его», чему служит «рыночная» печать³³.

И в разрабатывавшихся им программах изданий, и в выступлениях его как предшественника «медиакритики» нередко использовалась формула «действовать на общее мнение, исправлять его». Впервые она появляется еще в середине 1810-х гг. в «Моем сне о русском журнале» применительно к проектируемому журналу карамзинистов, будущих «арзамасцев»³⁴. Причем успех воздействия печатного органа или журналиста ставился в прямую зависимость от того, насколько их позиция созвучна позиции общества. Размыш-

ля о возможностях периодики влиять на сознание аудитории, Вяземский писал во время революционных событий во Франции 1830 г.: «Разве одна оппозиция выдает журналы? И министерство имеет свои. Если оппозиционные более действуют на мнение, то доказательство неопровергаемое, что министерство не симпатизирует с мнением»³⁵.

Способность повременного издания влиять на общественное мнение, т.е. выполнять одну из главных своих функций, выдвигается как важнейший критерий его оценки³⁶. И предпочтение отдается журнальному типу издания как наиболее эффективному. Ведь по сравнению с альманахами и сборниками журналы быстрее «захватывают внимание» большего количества читателей, от «простого любопытства» проходящих «со временем» к тому, что начинают «слушаться» журналиста, который «учит, забавляет, проповедует, смеется и смешит, укоряет и приговором своим оправдывает и казнит»³⁷. Закономерно поэтому, что Вяземский неустанно повторял тезис о пользе журналов – и в серьезных прозаических декларациях, и в шуточных стихах: «Дай бог поболее журналов, // Плодят читателей они...// Где грамота – там просвещение, // Где просвещение – там добро» («На новый 1828 год»).

Из понимания роли журналистики как «передового застрельщика общественного мнения» Вяземский исходил и в оценках периодики 1840 – 1870-х годов. Правда, как сама пресса, так и представления Вяземского о «передовом» и «правом» мнении тогда претерпевали существенные изменения. Журналистика становилась все более профессиональной, политизировалась, в ней усиливалось идейное размежевание. Причем возрастала популярность изданий с резко-обличительной демократической направленностью. У Вяземского, занимавшего тогда все более высокие ступени иерархической лестницы и все более консервативные позиции в идейном плане, они (и вообще тогдашняя «обличительная литература»), как уже отмечалось выше, вызывали неприятие, подозрения в небескорыстности бойцов этих «журнальных батарей»³⁸.

Особо отметим, что происхождение и назначение прессы Вяземский неизменно связывал с обеспечением гласности в

жизни общества. Гласность понималась им как возможность знакомить «нас с самими собою» во всем многообразии лиц, событий, явлений, мнений³⁹, а следовательно, и «связывать» воедино раскинувшуюся на огромных пространствах страну. В начале 20-х гг. он советовал «Сыну Отечества» «завести переписку с губерниями», ведь «у нас только родственные связи в России: нужно связать и гражданственные от Амура до Невы»⁴⁰. Таким образом периодика действительно превращалась в средства массовой коммуникации и соответственно консолидации общества.

Публициста возмущало недоверие правительства к любым, даже весьма «благонамеренным» попыткам информировать сограждан, особенно о политической жизни государства. «У нас гласность во всем и везде – какое-то пугалище», в то время как именно неизвестность «не только в глуши, но и в столичных английских клубах порождает ложные и нелепые слухи»⁴¹, опасные для самой власти. В его письмах и «Записных книжках» постоянно встречаются сожаления по поводу «стеснения нашей гласности», когда «нельзя высказать печатно то, что думаю и чувствую»⁴².

Разумеется, Вяземского не мог не волновать вопрос о праве распространения информации и высказывания мнений представителями различных литературно-общественных сил, о возможностях гласной полемики⁴³. Он всегда протестовал против монополизации печатного дела, хотя акценты в его позиции менялись. Во второй половине 20 – 30-х гг. главной была борьба с «журнальным откупом, снятым Гречем и Булгариным»⁴⁴. Позднее Вяземский рассматривал проблему концентрации журнально-издательских проектов в руках ограниченного круга лиц с точки зрения государственного чиновника, правда, сохраняющего приверженность определенным либеральным ценностям. В Записке Вяземского о цензуре 1848 г., явно связанной с его меморандумом «О безмолвии русской печати» 1833 г., подчеркивалось, что «вредна монополия журналов, предоставленная некоторым лицам». Ведь она дает этим «журналам и журналистам вес и значение в обществе, которое им иметь не следует». А «чем будет более журналов, тем влияние будет раздробленнее и равновеснее», и, как следствие, общество стабильнее⁴⁵.

Одной из важнейших сфер жизни, которую следовало предать гласности, Вяземский считал деятельность властных структур. Так обосновывается необходимость иметь газету или «журнал честного жандармства <...>, из коего правительство узнавало бы, что у него дома делается», и соответственно «корреспондентов честных» на местах. По Вяземскому, бесспорна польза данного рода журналистики, у истоков которого в России стояли Н. И. Новиков с его «Живописцем» и Д. И. Фонвизин с его «предполагаемым» журналом «Друг честных людей, или Стародум», а во второй половине 1820-х гг. получившего известное развитие в деятельности Н. А. Полевого⁴⁶. Ориентировался он здесь и на опыт такого типа изданий за рубежом, например французской «Bibliothèque historique»⁴⁷, с их умением и возможностями предавать «костру общего мнения» всяческие «бесстыдства» власть имущих⁴⁸.

В России критические (как правило, сатирические) корреспонденции «с мест» ценны, даже если они касаются «злоупотреблений по одной исполнительной, административной части земской» и щадят «законодательную и судебную часть», даже если не содержат точной адресации. Эти размышления Вяземского в «Записной книжке» явно перекликаются с его более ранней идеей печатать в Арзамасском журнале «переписку со всеми губерниями (курсив Вяземского – *И.П.*), вымышленную или истинную все равно, но вероятную»⁴⁹. Размышляя о программе такого журнала в 1830 г., Вяземский призывал, избегая «выходок нынешнего либерализма» и «почитая корни», издавать его «в духе правительства, в духе нашего правления, если только не входит в дух его защищать служащих бездельников». Он оправдывал умеренность своих предложений тем, что «гласность такое добро, что и полугласность божий свет»⁵⁰.

С годами Вяземский стал уделять больше внимания проблемам «неудобств» и «безнравственной стороны» гласности, указывая, что «припрятывание» отнюдь их не решает⁵¹. Это касалось оглашения не только тех или иных фактов, по-ступков конкретных людей, но и мнений, суждений общего характера. Еще в 1818 г. он упрекал А. Ф. Воейкова за неосторожные высказывания без учета возможной их интерпрета-

ции в складывающейся ситуации. Тогда либерально-западнически настроенный Вяземский был возмущен критическими замечаниями своего арзамасского приятеля в адрес Парижа и «выхвалением» всего русского в контексте непрекращавшейся борьбы бывших арзамасцев с русофильством и галлофобией. Продолжая считать Воейкова своим единомышленником, он писал: «Иных вещей говорить вслух не надобно, чтобы их каждый на свой лад не перетолковал. Теперь Глинка (С. Н. Глинка, издатель русофильского «Русского вестника». – *И.П.*) запишет тебя в свою шайку <...>»⁵².

Тем более «осторожно и почтительно», по Вяземскому, «должно обращаться» с «собственными именами» в печати. Ведь они «личная собственность, собственность родовая, семейная», и ее надо охранять «при жизни собственника» и вплоть до «второго и третьего поколений», при необходимости «маскируя» имена «звездочками». Недопустимо оглашение «семейных преданий», подробностей частной жизни без согласия героев «преданий» или их наследников, особенно когда «чистую воду» трудно отделить от «мутной», когда нет гарантий от клеветы. Да и «печать унижает себя, когда печатает то, что человек не осмелился бы сказать гласно и прямо в лицо другому человеку». Во всех подобных случаях, по точному определению Вяземского, «журналистика выходит *бедовое дитя* (курсив Вяземского – *И.П.*) гласности»⁵³.

Так, в размышлениях о социокультурной миссии журналистики, ее предмете и принципах, перспективах и опасностях ее развития Вяземский выходил на неизменно актуальные проблемы политики, этики, философии жизни и творчества, часто «больные» вопросы для России. На протяжении долгой 70-летней творческой жизни его позиция по многим вопросам, разумеется, не могла не меняться, и не всегда ему удавалось сохранять объективность и взвешенность в оценках различных явлений и тенденций в развитии периодической печати. Однако большинство его суждений на темы журналистики, в том числе высказанные в поздние годы, показывают, насколько важными для него всегда оставались усвоенные в молодости просветительские ценности, дух умеренного либерализма и, конечно, интерес ко «всему журнальному».

¹ *Вяземский П. А.* Эстетика и критика. М., 1984. С. 94.

² См., напр.: *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики. М., 2011. С. 57 – 86; *Ахмадулин Е. В.* Основы теории журналистики. – М.; Р-н-Д., 2008. С. 211 – 241 и др.

³ Конечно, такая амбивалентная оценка журналистики артикулировалась в XIX веке не только Вяземским. Еще четче она прозвучала в заголовке одной из статей И. С. Аксакова, правда, написанной уже после смерти Вяземского – «Не есть ли вредная сторона печати необходимое зло (выделено нами – *И.П.*), которое приходится терпеть ради ее полезной стороны?» (Русь. 1882. N 36. С. 1 – 4).

⁴ *Вяземский П. А.* Эстетика и критика... С. 130. ⁵ Русский архив. 1866. Стб. 1703.

⁶ *Вяземский П. А.* Эстетика и критика... С. 130.

⁷ Там же. С. 90 – 91.

⁸ Письмо П. А. Вяземского П. И. Полетике от 5 янв. 1847 г.

//Из собрания автографов Император. публич. б-ки. СПб., 1898.

С. 121 – 122.

⁹ *Вяземский П. А.* Соч.: В 2-х тт. М., 1982. Т. 2. С. 318. Эти суждения высказаны Вяземским в не пропущенном тогда цензурой отрывке статьи «Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». Стоит добавить, что они близки размышлениям о «ходячей монете» в литературе в полемических «Замечаниях на «Краткое обозрение русской литературы 1822 г.», оперативно напечатанных Вяземским в «Новостях литературы» (1823, № 19, с. 91).

¹⁰ *Вяземский П. А.* Поживки французских журналов в 1827 году

//*Вяземский П. А.* Эстетика и критика... С. 94, 92.

¹¹ Письмо П. А. Вяземского А. Ф. Воейкову от 25 февр. 1824 г. // Цит. по: *Вяземский П. П.* Собр. соч. СПб., 1893. С. 495 – 496.

¹² *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. Т.2. СПб., 1878.

С.130. В 1830 г. в недостатке этих качеств критик упрекал, в частности, научно-литературный журнал М. Г. Павлова «Атеней».

¹³ Остафьевский архив. Т. III. СПб, 1899. С. 250.

¹⁴ В этом отношении можно согласиться с утверждением Л. В. Дерюгиной, что в отличие от журналистики «история выводит рассматриваемое ею явление (как обретшее выражение и,

следовательно, изжившее себя) из настоящего в прошлое». Но дальнейший ход ее собственных размышлений и интерпретация ею высказываний Вяземского о соотношении истории и журналистики представляются не совсем убедительными (См.: Дерюгина Л. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского // Вяземский П. А. Эстетика и критика... С. 18-19).

¹⁵ Моск. телеграф. 1827. № 12. С. 341 – 347. См. об этом подробнее в нашей диссертации «В. В. Измайлов – издатель и журналист первой трети XIX века» (М., 1995. С. 82 – 83).

¹⁶ «Арзамас»: В 2-х кн. Кн. 1. М., 1994. С. 460.

¹⁷ Переписка А. С. Пушкина: В 2-х тт. М., 1982. Т. 1. С. 146.

¹⁸ Русский архив. 1866. Стб. 1702.

¹⁹ Цит. по: Вяземский П. П. Собр. соч... С. 495.

²⁰ Вяземский П. А. Соч... Т. 2. С. 318.

²¹ Остафьевский архив. Т. II. С. 149.

²² Там же.

²³ Вяземский П. А. Соч... Т. 2. С. 318.

²⁴ Остафьевский архив. Т. II. С. 166.

²⁵ Ср. характерное употребление Вяземским определения «европейский» в письме Жуковскому об издательском проекте В. К. Кюхельбекера: «План его журнала хорош и Европейский» (Русский архив, 1900, № 2. С. 190).

²⁶ Вяземский П. А. О московских журналах // Литературная газета. 1830. Т. 1. № 8. С. 62. Из этого тезиса исходил Вяземский при оценке «Московского телеграфа», находя, что «зеркало» журнала Н. А. Полевого, несмотря на тусклость, плохую «шлифовку», оставалось на тот момент все же лучшим.

²⁷ Вероятно, как раз эту «надзирательную» роль журнала и журналиста многие современные исследователи предлагают называть ролью «модератора».

²⁸ Остафьевский архив. Т. I. С. 107 – 108.

²⁹ Вяземский П. А. Соч... Т. 2. С. 83. Так патетически завершалась уже цитированная нами его статья о И. И. Дмитриеве. Оговоримся, однако, что слово «поэт» часто употреблялось тогда в широком значении, обозначая не только автора стихотворных произведений, но вообще творческую личность.

³⁰ Там же. С. 80.

³¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч... Т. 1. С. 285.

³² Там же. С. 103.

³³ *Вяземский П. А.* Отрывок из письма к А. М. Готовцевой // Там же. Т. II. С. 143 – 144. На значимость этих заявлений Вяземского, как и всего «отрывка», указывает то, что он вскоре после написания был опубликован как «открытое» письмо в альманахе «Денница» на 1830 г.

³⁴ Цит. по: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 31.

³⁵ *Вяземский П. А.* Записные книжки. М., 1992. С. 127.

³⁶ Остафьевский архив. Т. II. С. 148. За невнимание к этому критерию Вяземский упрекает «Историческое и критическое обозрение российских журналов» А. Ф. Воейкова в «Сыне Отечества» (1821, № 2, с. 51 – 54).

³⁷ «Арзамас»... Кн. 1. С. 459.

³⁸ См., например: *Вяземский П. А.* На взяточников гром все с каждым днем сильней... // Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1958. С. 392.

³⁹ *Вяземский П. А.* Взгляд на московскую выставку // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 177. В этой статье 1831 г. автор одним из первых в России заговорил о пользе разнообразных выставок для развития страны, причем не только экономического.

⁴⁰ Остафьевский архив. Т. II. С. 177.

⁴¹ Русский архив. 1866. Стб. 1704 – 1705.

⁴² Письмо П. А. Вяземского В. Ф. Одоевскому от 13 июля 1840 г.

// Из собрания автографов Император. публич. б-ки... С. 88.

⁴³ В острой форме эта проблема заявлена, например, в письме Вяземского к в.кн. Михаилу Павловичу в связи с ситуацией вокруг похорон А. С. Пушкина, когда разного рода «обвинения» против литераторов пушкинского круга «разгласились», а их «оправдание не могло быть гласным» (Русский архив, 1879,

кн. 1, № 4. С. 398).

⁴⁴ Русский архив. 1868. Стб. 619.

⁴⁵ Цит. по: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество... С. 324 – 325.

⁴⁶ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813 – 1848). М., 1963. С. 175.

⁴⁷ См.: Остафьевский архив. Т. 1. С. 194.

⁴⁸ Там же. С. 289.

⁴⁹ «Арзамас». Кн. 1. С. 460.

⁵⁰ *Вяземский П. А.* Записные книжки. С. 175.

⁵¹ Письмо П. А. Вяземского А. О. Смирновой от 2 марта
1837 г. // Русский архив. 1888. Кн. 2. С. 301 – 302.

⁵² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1234. Л. 15-об – 16.

⁵³ *Вяземский П. А.* По поводу бумаг В. А. Жуковского // *Вяземский П. А.*
Полн. собр. соч... Т. 7. С. 408.